

УДК 94(470.4)"15/16"

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ХРИСТИАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НОВОКРЕЩЕН В КАЗАНСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII вв.

© 2016 г. И.К. Загидуллин

В статье на основе материалов писцовых книг Казанского и Свияжского уездов 1565–1568 гг. и Казанского уезда 1602–1603 гг. реконструируются результаты миссионерской деятельности первых казанских архиепископов Гурия и Германа и митрополита Гермогена, выявляются конфессиональные принципы испомещения служилых новокрещен и организации сети их селений.

Ключевые слова: Казанская епархия, Казанский уезд, христианизация, служилые новокрещены, архиепископ Гурий, митрополит Гермоген, конфессиональный состав новокрещенских селений.

После завоевания Казанского ханства первостепенными для московского правительства стали проблемы достижения стабильной общественной обстановки и ускоренной колонизации покоренного края. В новых военно-политических условиях властям предстояло изменить свое отношение к мусульманам и рассматривать их не только как «клятвопреступников», проливающих «кровь христианскую», но и как подданных русского государя. Религиозной фанатизм, насаждаемый духовной властью в период казанского взятия 1552 г. (АИ, т.1. с. 291), более не способствовал улучшению взаимоотношений властей с местным населением.

Учреждение на созданном в феврале 1555 г. по инициативе царя Ивана IV церковном соборе Казанской кафедры правомерно рассматривать именно в этом ключе – в плане разработки правительством новой идеологии. Первым руководителем новой епархии был избран игумен Гурий – любимец царя и митрополита Макария. Архиепископ Гурий и его помощники – архимандриты Герман и Варсонофий – прибыли в Казань 28 июля 1555 г. с иконами, книгами, церковной утварью и царской казной, предназначенной в том числе на стройку церквей и монастырей.

Первоначально Казанская епархия включала следующие области: «Город Казань с окрестными улусу, Город Свияга з Горною стороною, Васил город, Вятская земля вся» (Макаров, 1981, с. 29–30). После известных событий 1556 г. в ее состав вошли земли бывшего Астраханского ханства. Даже после отделения в 1607 г. самостоятельной Астраханской епархии территория, подчиненная казанскому архиерею, оставалась огромной. Если сравнить ее с картой расположения православных епархий в середине XIX столетия, то нетрудно заметить, что она охватывала земли восьми епархий (губерний) – Казанской, Уфимской, Симбирской, отчасти Самарской, Саратовской, Нижегородской, Вятской и Пермской (Покровский, 1897, с. 140, 143–144). В 1672 г. была учреждена Нижегородская епархия (Нижний Новгород, Алатырь, Курмыш, Ядринск с уездами), в которую вошла небольшая часть Казанской епархии. Несколькою годами ранее, в 1668 г., была образована самостоятельная Вятская епархия.

Накануне отъезда из Москвы Гурию была вручена составленная митрополитом Макарием и подписанная царем Иваном IV «наказная память» – своеобразная инструкция для исполнения. Этот документ являл собой новое слово в религиозной политике правительства в отношении мусульман. Согласно «наказной памяти», архиепископ был обязан проявлять особую заботу о тех, кто принял крещение, «обласкать, беречь во всем», чтобы остальные «инородцы», видя «такое благочестие и брежение и жалование новопросвещенным», тоже захотели стать православными. При проведении христианизации Гурию предписывалось руководствоваться «началами любви христовой» – крестить только тех, кто добровольно изъявит желание, вести миссионерскую работу методом убеждения, без жестокости и насилия. Более знатных татар предлагалось наставлять к новой вере в архиерейском доме («епископате»), а других рассылать для христианского просвещения в монастыри. «А как новокрещены из-под научения выйдут, и архиепископу их звать к себе ясти почасту, и поити их у себя за столы квасы, а после стола посылати их поити медом на загородской дом» (ААЭ, т.1, с. 259). С целью формирования доверительного отношения к себе местного населения, архиерей должен был благожелательно относиться и к татарам, приходившим в «епископат» с раз-

личными просьбами: «их велети кормити и поити у себя на дворе квасом же, а медомъ ихъ же поити на загородскомъ дворе; кротостию с ними говорити ихъ къ крестьянскому закону, и разговаривая с ними тихо со умилением, а жестокостию съ ними не говорити» (Там же, с.260).

В своей миссионерской деятельности архиепископ Гурий должен был обратить большое внимание на тех татар, которых власти привлекали к суду. Работа с этой категорией лиц могла дать результаты за короткий срок. За принятие крещения архиепископ мог освободить осужденного от наказания. «А которой татаринъ до вина дойдесть и убежить к нему отъ опалы, отъ каковы ни будити, и похочеть креститись, и ему того воеводамъ назадъ никакъ не отдати, и крестити его, и покоити у себя, и посоветовати о томъ съ наместниками и съ воеводами, и будетъ его приговарять держати въ Казани, на старой его пашне и на ясаку, ино его держати на старой его пашне и на ясаку, а нельзя его будетъ держати въ Казани, чая отъ него впредь измены, ино его крестивъ, отослати къ Государю и Великому Князю» (Там же, с.260).

Содержание «наказной памяти» 1555 г. позволяет понять одну из скрытых сторон внутривоспитательного курса царского правительства в Среднем Поволжье, а именно: признавая христианизацию делом государственной значимости, военные власти оставляли на проживание в крае только тех из новокрещенных, которые относились к правительству лояльно, а «неблагоугодных лиц» отсылали в центральные районы Руси. Инструкция предоставила казанскому архиепископу право совещания с наместником и воеводами относительно определения степени опасности для русских властей осужденных и меры их наказания. Тех, кто, по мнению начальства, мог совершить «измену», предлагалось «отослать» в Москву для изоляции. В этом случае переходило в руки православных священнослужителей центральных районов государства, где осужденный был оторван от исторической родины, лишен моральной поддержки единоверцев, оставался один на один с представителями новой власти. Для нас в данном случае важно понимание того, что система христианского просвещения в Казанской епархии не ограничивалась местными силами, а представляла всю мощь государственно-церковного аппарата. По отношению к неофитам-пленным местные военные и духовные власти выступали как часть единой системы, своеобразное пересылочное звено в центральных регионах для дальнейшей их христианизации.

Безусловно, крещение тех, кто попал «опалу» с сегодняшней точки зрения трудно расценивать как добровольное крещение. По мнению известного чувашского историка В.Д.Димитриева, данное в «наказной памяти» указание, что провинившиеся «иноверцы» могут быть освобождены от наказания, если примут крещение, свидетельствует о том, что царское правительство в немалой степени рассчитывало на принудительную христианизацию (Димитриев, 1978, с.83).

В «Наказной памяти» 1555 г., данной казанскому архиерею, был четко очерчен район миссионерской проповеди – это территория бывшего Казанского ханства. Таким образом, в Среднем Поволжье началась системная работа по христианизации, архиерей должен был действовать совместно с военными властями. Архиепископ Гурий, несмотря на свой высокий духовный сан, должен был лично заниматься крещением «инородцев», что отчасти объясняется отсутствием в крае миссионеров.

В «наказной памяти» 1555 г. была дана установка на проведение миссионерской работы только среди татар, хотя в крае проживало значительное число чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов (Загидуллин, 1997, с.260–263). В XVI–XVIII вв. термин «татары» часто употреблялся при описании служилых людей различных этнических групп (татар, отатарованных мордвы и чувашей), термин «ясачные татары» стал появляться в русских источниках только с середины XVII в. (Каппелер, 2012, с.16, 17). Очевидно, в «наказной памяти» подразумевалось крещение, прежде всего, представителей привилегированной прослойки населения бывшего Казанского ханства¹. Речь шла о титулованной знати в лице эмиров (беков, т.е. князей), мурз (крупных землевладельцев), земельной аристократии. В эту привилегированную группу следует включить и тархан – лиц, которые за ранее совершенные геройства или благородные поступки на основании письменного дозволения хана были освобождены от налогов и повинностей. Угланы, как представители военного сословия, за свою службу в качестве вознаграждения получали от хана земли (Худяков, 1991, с.188–205; Мухамедьяров, 2012, с.103–104). Казаки в ханстве составляли низшее привилегированное сословие и подразделялись на служивших в столице («ички»), при дворе («дворные») и деревнях («задворные») (Галлям, 2014, с.74). Таким образом, в «наказной памяти» 1555 г. под татарами подразумева-

¹ Как известно, к этому времени плененный в 1552 г. казанский хан Ядгар и увезенный до «казанского взятия» в Москву сын Сююмбеки, наследник трона Утямыш-Гирей, были крещены.

лись представители титулованной знати (князья, беки, мурзы), угланы и казаки. Именно этой группой лиц, прежде всего, очерчивался круг миссионерских интересов архиепископа Гурия – его деятельность была направлена на крещение элиты бывшего ханства и казаков, которые, по сути, представляли собой обособленные социальные корпорации. В новых общественно-политических условиях московское правительство предложило им новый социальный статус – военную службу взамен вознаграждения в виде поместий и денежного оклада. Крещение представителей местной элиты и воинов бывшего ханства являлось наиболее эффективным средством инкорпорации их в российскую социальную иерархию. Эта была одна из стратегических задач, возложенных на архиепископа.

Ориентация правительства на крещение татар объяснялась несколькими причинами. Во-первых, сосредоточение внимания на данной группе позволяло не расплывать ограниченные силы миссионеров и направить миссионерское воздействие на конкретный объект. Во-вторых, за короткий срок управления вновь присоединенным регионом московские власти успели убедиться в важной роли позиции представителей бывшего привилегированного сословия Казанского ханства в сохранении общественного спокойствия и в обеспечении исполнимости местным населением предписаний воевод. Важно также отметить, что в Среднем Поволжье акт крещения татарина означал нечто большее, чем духовные поиски неопита, он приводил к расколу единой социальной страты по конфессиональному признаку. Смена вероисповедания превращала новокрещеного в маргинала корпорации местной элиты и казаков, лишало его авторитета в среде единомышленников.

В рассматриваемый период происходили сложные процессы этнического взаимодействия, прежде всего татаризация переселившихся в край в ханский период ногайцев и других групп тюркского (чуваш) и финского (марийцы и удмурты) населения. Правомочно предположить, что главными объектами успешного христианского просвещения миссионеров являлись именно представители народов, находящихся в состоянии смены этноконфессиональной или этнической идентичности, которые в достаточной мере успели укрепиться в исламских ценностях (Галлямов, 2001, с. 56–59). Отсутствие сведений об уровне исламизации привилегированных и ясачных групп населения бывшего ханства лишает нас возможности развить данную тему. Однако очевидно, что уровень распространения ислама не означал высокую степень приверженности населения традициям мусульманства.

Мировая практика взаимоотношений ислама и христианства в течение столетий свидетельствует о том, что крещение мусульман явлением редким, нежели распространенным. Очевидно, причины крещения служилых и ясачных татар во второй половине XVI–XVII вв. заключались в социальном и духовном кризисе татарско-мусульманского сообщества того времени. Ликвидация государственности, крушение прежних социальных ориентиров и ценностей, гибель большей части аристократической элиты в 1552 – 1557 гг., бегство в другие регионы и выселение в центральные русские уезды (Липаков, 1989, ч.1, с.83), огромные людские потери в ходе восстаний² и карательных акций московских полков, которые привели, в конечном счете, к демографической катастрофе, и другие факторы вызвали социальный и духовный кризис. Понимание всей глубины творившейся здесь вопиющей несправедливости, которую осуществляла новая власть на правах победителя, и осознание своей беспомощности, ощущение безысходности, видимо, способствовали доминированию в различных слоях общества упаднических настроений. Был нанесен сокрушительный удар институтам ислама: уничтожена городская исламская инфраструктура (мечети, библиотеки, мектебе, медресе и т.д.) и источники ее содержания (вакуфные земли). Самое главное – была ликвидирована система подготовки мусульманского духовенства, т.е. лиц, которые могли успешно выполнять миссию духовного ориентира.

Профессор Казанской духовной академии П.В.Знаменский, ассоциировавший время активного миссионерского просвещения в крае исключительно с периодом деятельности на посту архиепископа Гурия (1555–1563) и Германа (1563–1567), отметил, что после них остались «целые деревни так называемых новокрещеных татар», а их преемники не проявляли особого рвения на этом поприще (Знаменский, 2005, с. 147).

Попытаемся определить особенности миссионерской деятельности и результаты христианского просвещения первых казанских архиепископов Гурия и Германа. В период «Казанской войны» 1552–

² Наличие к 1603 г. в числе служилых людей Казанского уезда всего 14 князей и 6 мурз (Галлямов, 2001, с.19–20), даже со скидкой на принудительное переселение правительством некоторой части представителей аристократии в центральные районы Московского государства, позволяет говорить о том, что после падения Казани, аристократическая знать была в основном перебита, погибла или оставила родные края.

1557 г. в русских городах-крепостях обычным явлением стали пленные из числа повстанцев. Думается, что в последующие годы казанские тюрьмы не пустовали и содержащиеся в них пленные являлись главным объектом крещения. Согласно писцовой книге 1565–1568 гг., в Казани действовали четыре тюрьмы («опальная да две татинные, да женские») (Список, 1877, с. 13). Крещение совершалось при тандеме судьи-воеводы и архиепископа-миссионера. Первый назначал суровое наказание, второй предлагал жизнь взамен смерти жизнь или существенное облегчение участи или освобождение от плена. Взаимодействие «злого» воеводы и «благородного» архиепископа, несомненно, приносило результаты.

До завершения «Казанской войны» (1557 г.) Гурий и его подчиненные вряд ли имели возможность выезжать в селения Луговой стороны. Вероятнее всего, специальных поездок, которые принимали деятелями Новокрещенской конторы в 1740–1750-е гг., соратники Гурия и последующих казанских архиереев не совершали. И такой надобности не существовало, потому что, согласно «наказной памяти» 1555 г., объектом христианизации должны были стать служилые татары – наиболее близкая к власти и зависящая от нее в социально-экономическом отношении группа местного населения.

Первоначально, в периоды восстаний, крещение служилых людей воспринималось как некий акт выражения преданности новой власти. Летом и осенью 1555 г. новокрещенные совместно с московскими полками и казанскими князьями участвовали в широкомасштабных военных операциях против повстанцев. В 1556 г. новокрещенные принимали участие в подавлении казанского бунта (Соловьев, 1989, с. 463–464). Еще одним направлением взаимодействия архиепископа и казанского воеводы П.И.Шуйского являлась деятельность по охране и хозяйственному освоению окрестностей вновь построенной крепости Лаишев, расположенной на правом берегу Камы. Эта была одной из самых опасных в военном отношении точек – крепость специально построили в 1557 г. с целью предотвращения набегов ногайцев – напротив места их переправы недалеко от устья Камы. В апреле 1557 г. казанский воевода уведомил Ивана IV о том, что «повелель Арскимъ и побережнымъ татарамъ поставили на Каме въ Лаишовъ город, и князь Петръ устроилъ новокрещеновъ да стрельцовъ, а у нихъ головы детей боярскихъ для ногайскихъ людей приходи, а новокрещеномъ велель тутъ пашню пахати» (ПСРЛ. Т.13. Первая половина, с.281). Это были пленники-туземцы, принявшие православие и пожалованные пашнями и сенокосами около крепости, они были расселены в посадке, а в самом городе водворены дети боярские и стрельцы со своими головами, отмечал, анализируя это сообщение летописи, Г.Перетяткович (Перетяткович, 1877, с. 240). Одновременно П.И.Шуйский «и у Казани и по пустымъ селомъ всемъ велель пашни пахати Русскимъ людемъ и новокрещеномъ» (ПСРЛ. Т.13. Первая половина, с.281–282). Как следует из источника, новокрещенные наряду с русским крестьянами были расселены близ Казани на пустошах, оставленных коренным населением. Иначе говоря, они были расселены в «поясе безопасности», созданной вокруг Казани путем переселения местных крестьян.

Установки «наказной памяти» 1555 г. относительно формирования тандема архиепископа и казанского воеводы по реализации внутривластного курса правительства в крае приобретают новые очертания при анализе письма Ивана IV, адресованного Гурию 5 апреля 1557 г., в котором царь сообщал, что отправил вновь назначенному наместнику Дмитрию Палецкому предписание о распределении вотчин, «поговоря» с архиепископом (Амвросий, 1815, с.528–530). С учетом того, что земля являлась главным богатством для всех категорий населения, это был принципиальный момент в плане определения места и роли церкви при выделении поместий новокрещенцам. Ю.Н.Иванов и В.В.Королев совершенно справедливо предположили, что такое право сохранялось за казанскими архиереями до конца XVII в. (Иванов, Королев, 2011, с.25).

При архиепископе Гурии земельные владения получили монастыри: Свяжский Успенский (основан в 1552 г.), Казанский Зилантов (1552 г.), Казанский Спасо-Преображенский (1556 г.), Чебоксарский Троицкий (1567 г.), Казанский Иоанно-Предтеченский (1567), Троицкая лавра и другие монастыри (Никольский, 2007, с.143), которым отводилась роль центров христианизации местного населения.

Как известно, необходимым условием верстания в категорию служилых людей было испомещение – выделение земельного надела в соответствии со знатностью его происхождения, важностью, опасностью и сложностью его службы. Христианизация и верстание (и испомещение) служилых татар, по нашему представлению, являлись значимыми проектами, которые призваны были реализовать местные власти.

Правительство, прежде всего, инициировало испомещение направленных на службу беспоместных детей боярских и служилых людей, архиерейский дом и учреждаемые монастыри. Первые испомещения начались сразу после наступления в крае общественного спокойствия. Согласно записям Никоновской летописи за 1557 г., «...бояринъ князь Петръ Ивановичъ (П.И.Шульский, наместник казанский. – И.З.) на царя и государя и архиепископу и Казанскому наместнику и архимандриту и детемъ боярскимъ царевы села и всехъ князей Казанскихъ розделилъ, и пахати учили на государя и на всехъ русские люди и на новокрещены на Чювашу» (ПСРЛ, Т.13.Первая половина, с.283). Порядок перечисления испомещенных и получивших наделы различных категорий людей в источнике подчинен их социальному статусу. В этом перечне новокрещенные оказались в группе тяглого, ясачного населения. Следовательно, в документе зафиксирована информация о получивших земельные наделы ясачных новокрещеных.

В первое десятилетие установления новой власти лояльные представители местной знати пользовались земельными угодьями, которые были закреплены за ними в ханский период (ПК, с.135).

В рассматриваемый период конфессиональная принадлежность представителя татарской знати стала ключевым фактором в земельной политике властей. Во второй половине XVI в. некоторые крестившиеся представители местной знати, в частности князь Асанов, приумножали свои владения (Галлямов, 2001, с.48; Ермолаев, 1980, с.35, 45, 51); так, к началу XVII в. сын князя Асанова – Федор Асан Мурзин – был одним из самых крупных помещиков в крае³.

Специалист по истории служилого землевладения в Московском государстве С.В.Рождественский, на основе переписи 1565–1568 гг. выделил некоторые особенности испомещения в Казанском крае. Во-первых, в сфере земельной политики казанский воевода пользовался определенной автономией, делегированной ему Москвой, которая, конечно же, осуществлялась под контролем последней, однако позволяла оперативно и комплексно решать многие насущные вопросы, влиявшие на дееспособность местной власти (Рождественский, 1897, с.304). Во-вторых, описание ранее испомещенных земель и новые испомещения производились одновременно, что позволяло эффективно распределять земельные угодья. «Кроме своей прямой и специальной обязанности, писцы (окольничий Н. В. Борисов и Д.А. Кикин. – И.З.) обыкновенно исполняли также и функции чисто финансового свойства, которые естественным образом связывались с поместной раздачей: отдавали на оброк лишние и порозшие поместные земли, давали податную льготу на пустые земли, входившие в состав поместий, и, наконец, клали розданные земли в сошное письмо. Возможность и естественность подобного совмещения обоего рода функций в деятельности писцов приводили к тому, что раздача поместий происходила часто и во время переписи известного уезда с финансовыми целями. В таких случаях писцам давалась особая на этот счет память или в общем наказе помещалась особая на этот счет инструкция», – писал С.В.Рождественский (Там же, с. 304). Комплексный подход (одновременные перепись и испомещение) был признан весьма успешными средством реализации внутривластного курса правительства, поэтому практиковался и в XVII в. (Там же, с. 311–312). Одновременно проводились и единичные верстанья и испомещения.

Очевидно, что при проведении писцового описания 1565–1568 гг. испомещение и христианизация служилых людей являлись взаимосвязанными задачами. В этом отношении огромный познавательный интерес представляет зафиксированная в текстах в описаний Казанского и Свияжского уездов (Мустафина, 2006, с.3) информация, которая позволяет предметно рассуждать об основных тенденциях и направлениях испомещения и христианизации коренных народов региона.

По социальному и этническому составу интересующие поселения правомерно разделить на две группы. Первая – поселения новокрещеных служилых людей, которые к 1565–1568 гг. локализовались в Казанском уезде. Так, в деревне Мемеры по Чувашкой дороге зафиксирован двор служилого новокрещена Василя Осанова (ПО, №59, л.130, с.298). В деревне Чурильня на р. Чурилка по Арской дороге располагались земли новокрещен Карпа Ебакова «с товарищы» (Андреев, 2012, с.168). В деревне Нижняя Ия на берегу р. Ия находились дворы новокрещен-помещиков братьев Игната, Никиты и Афанасия Тимофеевых (ПО, №124, л.171–171 об., с.385, 386). В соседнем селении Средняя Ия находилось поместье новокрещеного Ивана Чебакова «с товарищы» (Там же, №124, л. 171 об., с.386). В деревне Саир по Алатской дороге вел свое хозяйство новокрещен-помещик Богдан Иванов сын Чепеслин (Там же, № 36, л.119, с.276). В деревне Большие Бимери

³ Владел 350 четв. пашенной и «лесом поросшей земли», 600 коп. сена и 50 дес. леса (ПК, 1978, с.67–68).

проживал «новокрещен Матфей» (Там же, № 98, л.158 об., с.360). Во всех селениях новокрещенные служилые расселялись по одиночке, очевидно, что архиепископы Гурий и Герман стремились изолировать неофитов от прежнего окружения и расселяли их отдельно, тем самым формируя обособленное хозяйственное и культурное пространство. Еще одна примечательная черта земельно-конфессиональной политики в крае – стремление располагать поместья новокрещенных по близости друг от друга. Так, через овраг от деревни, где располагались поместья названных выше новокрещен – три брата Тимофеевых, сыновей Тимофея Бирюева, находилась другая новокрещенская деревня Средняя Ия, где получили поместья – поместья Иван Чебаков «с товарищи» (Там же, с.386, л.171 об.).

Рассмотрим численность жителей новокрещенских деревень. В трех из шести деревень служилых новокрещен расселяли по одному двору помещика. В одном селении, деревня Нижняя Ия, находилось общее на момент проведения переписи земельное владение новокрещен братьев Игната, Никиты и Афанасия – сыновей Тимофея Бирюева (Там же, с.386–387, л.171 об.). Крещение главы семьи, как правило, означало смену вероисповедания его супруги и детей. Наконец, к крупным следует отнести деревни Чурильня и Средняя Ия, в которых числилось более 3–4 дворов (зафиксированный в писцовой книге служилый новокрещен проживал «с товарищи»). Примечательно, что только один из новокрещенских помещиков на момент переписи имел собственных крестьян (в деревне Саир у помещика Богдана Иванова сына Чепеслина было два полоняника – Климко и Куземка) (Там же, № 36, л.119, с.276), остальные служилые новокрещенные вели хозяйство собственными силами. Таким образом, в период архиерейства Гурия и Германа сформировалось ядро новокрещенских деревень, включавшее, с учетом неполноты сведений писцовых книг 1565–1568 гг., из не менее 7 поселений служилых новокрещен в Казанском уезде.

Ко второй группе нами отнесены деревни, в которых проживали новокрещенные из ясачных людей, крестьян. Прежде всего следует отметить довольно динамичный характер земельного обустройства крестьян-новокрещен. В частности, писцы зафиксировали три деревни служилых русских, которые новокрещенные ясачные люди покинули: 1) деревня Новые Четвертые по Чувашской дороге на момент переписи представляла собой пустошь (Там же, №58, л.130, с.297); 2) село Елань по Чувашской дороге; в 1566 г. ясачные новокрещенные «Науросовы, Иванко и Ванок, и Емельян Челымов да Федор» оставили это село, видимо, также боясь закрепощения, они также проживали совместно с помещичьими русскими крестьянами, и «пошли жить», согласно источнику, «в новокрещенские села и деревни и по пустым местам самовольно» (Там же, № 39, л.121–121 об., с.103); 3) деревня Новые Меньшие по Ногайской дороге, когда здесь находилось поместье Ивана Пояркова Квашнина, из селения ушли новокрещенные, оставив три двора пустопорожними (Там же, л.186 об.–187, с.419). Согласно этим записям писцовой книги Казанского уезда 1565–1568 гг., приметой социального поведения новокрещен, расселенных в одной с поместьем служилого русского деревне, было их стремление покинуть эти поселения. Несмотря на принадлежность к одной конфессии, различия в языке, менталитете и культуре, видимо, становились непреодолимым препятствием для установления доверительных межэтнических отношений. Кроме того, новокрещенные ясачные полагали, что проживание в одной деревне с русским помещиком – это реальная угроза попасть в крепостное состояние.

В 1565–1568 гг. в Казанском уезде ясачные новокрещенные расселялись в деревнях, принадлежавших русским служилым (3), дворцовому ведомству (1) и церковным институтам (3).

В рассматриваемое время местная власть расселяла новокрещен совместно с русскими крестьянами с целью изоляции от привычной культурной среды обитания и христианизации. В этом отношении выделялись, прежде всего, дворцовое и православное ведомства. Так, на момент переписи в дворцовом селе Бетьки (Там же, № 235, л. 472 об.–473, с.532) новокрещенные проживали одни, а к 1599 г. (судя по именам жителей) здесь насчитывалось 8 дворов новокрещенных и 32 двора русских крестьян (Ермолаев, Липаков, 1984, с.20). Совместное расселение новокрещенных с русскими крестьянами являлось верным признаком их ассимиляции в последующие десятилетия. Исключением не стало и село Бетьки, которое в XVIII в. считалось архиерейской вотчиной (Малов, 1868, с. 16, 17).

Налоговыми льготами, мягким и снисходительным отношением монастыри располагали к себе нерусских крестьян, терпевших большие лишения от воевод и «волостелей» (Никольский, 2007, с.144.). Вести миссионерскую работу «со своими» крестьянами им, безусловно, было легче и эффективней. В монастырских вотчинах «инородец» нередко вставал перед выбором: принять крещение или переселиться в другую местность, подальше от духовных властей. В частности, в деревнях Кичемечево, Канбарово, Налетово, Девлезерово-Сересево, учрежденных после 1555 г., судя по

названиям, ранее проживало явно нерусское население, а согласно писцовым книгам 1565–1568 гг., в этих них зафиксированы жители с христианскими именами (Мустафина, 1990, с.11–12). Вероятно, коренное население между перспективой стать крещеным и переселением выбрало последнее.

Во всех населенных пунктах Казанского уезда, принадлежащих церковным структурам, новокрещенные составляли этническое меньшинство и расселялись вместе с русскими монастырскими крестьянами. О миссионерской деятельности церковных институтов свидетельствуют следующие факты: наличие в селе Каракчей Кабан, принадлежавшем архиерейскому дому, двора крестьянина-новокрещена Тимошки и 7 дворов крестьян-«полонеников» (ПО, №161, л.204, с.448); в деревне Тура по Алатской дороге, принадлежавшей Казанскому Спасо-Преображенскому монастырю – дворов новокрещенина Ивана Хозянякова, 11 новокрещен и полоняника Андрея Васильева «с товарищи» (Там же, №220, 221, 222, л.247 об., с. 521–522); в сельце Куюк по Ногайской дороге, также принадлежащем Спасо-Преображенскому монастырю, – дворов новокрещен Власа Агишева и Микитки, 11 дворов полоняников и 2 дворов «чюваш» (Там же, л.212 об., с.459–460).

Подобная ситуация наблюдалась в помещичьем селе Большая Шегозда (здесь находилась церковь Николы чудотворного), где проживали 9 русских служилых, 51 двор их помещичьих крестьян, в том числе помещичий крестьянин, новокрещен Марчко (Там же, №83, л.148, 337–338), вероятнее всего, его предки имели западное происхождение (Андреев, 2012, с.167). Деревню Енасал русского помещика Прокофия Никитина сына Огарева, двор которого по Арской дороге на момент переписи пустовал, писцы именовали «новокрещенским» (ПО, № 34., л.118 об., с.275; №125, л.172, с.387). В деревне Нырса (по Чювашской дороге) русского помещика Тренково Алексева сына – также проживали татары, «чюваши» и новокрещены (Там же, №55, л.128–128 об., с.294). Таким образом, в одном из трех населенных пунктов, принадлежавшим служилым русским, новокрещенные проживали одни, в другом помещик проживал совместно с татарами и «чювашинами».

Все зафиксированные в Свияжском уезде к 1568 г. селения с крестьянами-новокрещеными Н.В.Никольский относит к ведомству Свияжского Успенского монастыря (Никольский, 2007, с.145). В деревне Бурундук совместно с татарами, «чювашинами» жили «полоненики» и новокрещенные: В.Митько, В.Малайко, В. Михалко, В.Ротно «сапожник», В.Иванко «полоненик». «В. Беляйко Трушо, новокрещен, на мордовском на киждеевском жеребьи пашни полоненичьи 12 четей, да перелогу 40 четей, в новокрещеновы пашни 3 четей, да перелогу 10 четей в поле, а въ дву по тому жь, сена полоненичья 250 копень, а новокрещенова сена 50 копень лесъ не въ разводе с татарами и чювашею, а обороту полоненики съ земли рубль денегъ, а новокрещены дает съ земли две гривны да пошлыны два Алтына» (Список с писцовой, 1909, с.108). В «новокрещенской деревне» Ширданы проживал Сергей Тикеев «со товарищи» (Там же, с.128). В деревне Нурбулатово совместно с татарами и «чювашинами» проживали новокрещен Якуш и полоняник Кондрат Фомин «со товарищи» (Там же, с. 133).

Для полноты картины следует также отметить, что в 1565–1568 гг. в Казани проживали 24 служилых новокрещена (История Татарии, 1937, с.189) и вспомнить о расселении в 1557 г. казанским воеводой в Лаишеве новокрещен-бывших пленников (Перетяткович, 1877, с.240).

Итак, период архиерейства Гурия и Германа в целом характеризовался приоритетностью расселения служилых новокрещен отдельно: в большинстве селений, находившихся во владении церковных институтов и дворцовом ведомстве, как правило, новокрещенные крестьяне расселялись совместно с русскими крестьянами и (или) полонениками. Они составляли меньшинство, что являлось важнейшим условием для их христианизации в последующие десятилетия. Из материалов писцовых книг Казанского и Свияжского уездов 1565–1568 гг. усматривается, что руководство епархии также занималось крещением ясачных людей из числа бывших пленных, которые, затем подселались в деревни архиерейского дома и местных монастырей.

Причину приостановки архиерейства Германа на целых 20 лет христианской проповеди в Казанской епархии после истории Русской православной церкви склонны объяснять быстрой сменой архиепископов (6 человек), отсутствием у них «ревности своих предшественников и той близости к царю, какою пользовались их предместники, которым царь достаточно способствовал в их святом деле» (Можаровский, 1880, с.24).

Между тем, после архиерейства Гурия и Германа христианская проповедь продолжалась. Как отмечалось выше, в систему христианской проповеди были вовлечены правительственные структуры. Пленникам предоставлялась возможность избежать смерти или уголовного наказания путем смены вероисповедания. Новые восстания и аресты зачинщиков антиправительственных выступ-

лений призваны были вызвать новую «волну» крещения: плененные повстанцы через крещение вполне могли сохранить себе жизнь или облегчить свою участь.

Согласно подсчетам Н.Ф.Калинина, через 15 лет после падения Казани в крае насчитывалось свыше 700 русских и более 200 татарских помещиков (Калинин, 1955, с.54). После смерти архиепископа Германа намечилось активное верстание в состав служилых татар представителей ясачного населения значительно увеличилось численность служилого нерусского населения. Согласно подсчетам Р.Г.Галляма, в Казанском уезде с 1568 г. по 1603 г. численность служилых татар (включая новокрещен) увеличилась в 2,5 раза и достигла примерно 500 человек (Галлямов, 2001, с.19–20).

Среди историков, изучавших писцовую книгу Казанского уезда 1602–1603 гг., существует разночтение о численности служилых татар и служилых новокрещен. По мнению Р.Г.Галляма, к этому времени насчитывалось около 200 служилых «новокрещен» и примерно 300 служилых татар (Там же, с.26). По подсчетам Д.М.Макарова, в Казанском уезде описано землевладение 1155 семей, в том числе 209 семей новокрещеных (17,2%), из них служилых новокрещен 141 семья (70,5%), 59 семей ясачных (29,6%), 201 семья служилых татар (17,4%) (Макаров, 1981, с.48). Таким образом, в общей сложности около трети служилых татар, зафиксированных в писцовой книге Казанского уезда к этому времени были уже окрещены. Получается, что за короткий срок самодержавно-церковной власти удалось разделить корпоративную группу служилых нерусских края на две большие конфессиональные группы. Это был несомненный успех казанских воевод и архиереев. Причем новокрещенные были представлены по всех социальных группах нерусской служилой корпорации, в том числе среди князей. Иными словами, эта была полноценная служилая корпорация.

Беспристрастные цифры свидетельствуют о том, что в Среднем Поволжье именно в последней трети XVI в. сформировалась корпорация служилых татар. Причину такой активности местной власти правомерно объяснить несколькими обстоятельствами. Во-первых, задачи организации управления краем и его колонизация неустанно требовали укрепления социальной прослойки их числа представителей элит коренных народов, призванные обеспечить связь с иноязычным и иноверным ясачным населением, способствовать сохранению общественного спокойствия и своевременному сбору налогов.

Во-вторых, восстания местных народов края 1571–1573 и 1582–1584 гг. (Алишев, 1999, с.19–21) актуализировали необходимость расширения здесь социальной опоры новой власти за счет новой прослойки служилых татар «по прибору». Власти были информированы о попытках установления представителями луговых и нагорных людей контактов с крымским ханом Даулет-Гиреем с целью совместного выступления против русских властей (Щербатов, 1789, с.188–189). Совпадение победоносного похода Даулет-Гирея на Москву 1571 г. с началом восстания народов Среднего Поволжья 1571–1573 гг. позволяет утверждать о согласованности действий сторон.

В-третьих, начавшаяся в 1558 г. Ливонская война (1558–1583 гг.) потребовала от Московского государства всеобщего напряжения сил. Примечательно, что с 1558 г. новокрещенные постоянно упоминаются в составе Московских войск в Ливонской войне (Каппелер 2012, с.27, 28.), где им в первое время сопутствовала удача. С 1578 г. московская рать начала терпеть поражения, военные действия перешли на территорию Русского государства. Иван IV увяз в войне, военные потери были ощутимы (Филюшкин).

В-четвертых, в Среднем Поволжье, которое являлось приграничной территорией, ситуация осложнялась тем, что в период Ливонской войны многократно усилились угрозы и реальные нападения со стороны отрядов крымских татар и ногайцев. За 24 летний период Ливонской войны А.А.Новосельский подсчитал 21 такой набег (Новосельский, 1948, с.17). В год сожжения крымским ханом Даулет-Гиреем Москвы был принят «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», который способствовал усилению сторожевой системы, потребовав дополнительные расходы и людские ресурсы (Каргалов, 1986, с. 66). В том же 1571 г., после нападения ногайских отрядов на районы городов Тетюши и Алатырь, началось строительство Тетюшской крепости (Пашина, 2014а, с. 152–153), которой возлагалась защита от военной угрозы со стороны юго-западных степей и по Волжскому водному пути. В конце 1570-х гг. началось строительство засечной черты Темников-Алатырь-Тетюши (Пашина, 2014, с. 152–153). Очевидно, к охране и жизнеобеспечению засечной черты в первую очередь привлекались служилые люди.

Итак, если в первые десятилетия после падения Казани испомещение было вызвано, прежде всего, необходимостью обеспечения земельными угодьями направленных на службу беспоместных детей боярских и служилых людей, то в 1570–1580-е гг. важное значение приобрело верстание в служилые татары ясачных людей. Верстание и испомещение служилых татар из числа ясачного

населения осуществлялись по инициативе военной власти – иначе невозможно объяснить более чем двухкратное увеличение численности служилых татар. Эта была правительственная инициатива, несомненно, выгодная для обеих сторон. Если при первых казанских архиереях приоритетным было объявлено крещение «татар», то теперь, когда верстание и крещение стали взаимосвязанными явлениями, верстание ясачных людей в служилые татары и их крещение происходило не только исключительно за счет бывших мусульман. Следовательно, этнический состав вновь верстанных служилых татар переставал быть моноэтническим.

Когда происходило крещение верстанных в служилые татары ясачных людей: после верстания и испомещения или крещение служило своеобразным условием для их перехода в более престижную социальную группу? Как известно, главной привилегией служилых людей в России было освобождение от уплаты ясака и получение поместного жалованья. Кроме того, служилый человек нередко получал и денежное жалованье, также некоторые другие привилегии (Ермолаев, 1982, с.68). Человек переходил на другую, более высокую ступень социального положения – получал новый статус, о котором и не мог мечтать. Поэтому причисление представителя «черного люда» к категории служилых людей в условиях средневековой России было равнозначно социальному лифту.

Земельные дачи служилым татарам давались «жеребьями» (наделами), иногда в поместье выдавалась целая деревня (Ермолаев, 1982, с.64). В этой связи в испомещении новокрещен следует выделить два характерных момента. Во-первых, они, как правило, испомещались перед актом крещения: очевидно, государство путем выполнения обязательств по материальному поощрению неопита добивалось от него добровольного принятия новой веры. На основе анализа окладов новокрещенных князей Асановых Э.И.Амерханова предположила, что «верстание служилых татар, мурз и новокрещен происходило только при условии уже имеющихся у них земельных владений, величина которых диктовала размеры поместных окладов» (Амерханова, 1998, с.94). Р.Г.Галлям обратил внимание на то, что, в отличие от некрещеных ясачных людей, среди новокрещенных ясачных практически не было владеющих «голодным» жеребьем (6 и менее четвертей пашни) (Галлям, 2001, с.82.). Во-вторых, сравнительно-сопоставительное изучение размеров окладов служилых новокрещенных и некрещеных в Казанском уезде в середине XVII в. позволило Д.А.Мустафиной сделать вывод о гораздо лучшем обеспечении землей первых, чем служилых татар (Мустафина, 1986, с.51–52). Именно этот фактор, по нашему мнению, становился основной мотивацией для принятия крещения отдельными представителями корпорации служилых татар и при верстании ясачных людей. Итак, при верстании в служилые татары христианское просвещение было не прелюдией данного процесса, а его завершающим аккордом.

Специальное изучение, осуществленное казанским митрополитом Гермогеном в 1591 г., религиозно-духовного состояния новокрещен путем проведения бесед-увещаний и расспросов раскрывает нам еще одну тенденцию, которая, вероятно, преобладала в христианском просвещении после смерти Германа, а именно – крестившихся неопитов оставляли жить в тех поселениях, в которых они проживали ранее. Конечно, можно предположить, что подобная тактика была выбрана специально, чтобы новокрещенные оказывали религиозное воздействие на однодеревенцев. Возможно, что частая смена казанских архиереев не позволяла им сосредоточиться на проблеме изоляции новокрещенных от прежнего круга общения и культурной среды неопита. На наш взгляд, причина находится в экономической плоскости. Согласно наблюдениям И.П.Ермолаева, при верстании служилых татар и новокрещен из числа ясачных людей за ними, как правило, сохранялись прежние размеры наделов (Ермолаев, 1979, с.19, 21), следовательно, они оставались жить в том же населенном пункте. Гермоген также главную причину «пагубного» духовно-религиозного состояния новокрещен видел в оставлении их после крещения на прежних местах жительства, вместе с мусульманами (Хрусталева, 1874, с.18).

Религиозно-духовное состояние новокрещен казанский митрополит Гермоген в 1591 г. охарактеризовал следующим образом: «В Казани и въ Казанскомъ и Свияжскомъ уезде живутъ новокрещены съ татары и съ чувашею и съ черемисою и съ вотяки вместе, и едятъ и пьютъ с ними съ одного, и къ церквамъ Божиимъ не приходятъ, и крестовъ на себе не носятъ, и въ домехъ своихъ Божиихъ образовъ и крестовъ не держатъ, и поповъ в дома свои не призываютъ и отцевъ духовныхъ не имеютъ; и къ роженицамъ поповъ не зовутъ, толко не самъ попъ, сведавъ роженицу, приехавъ дасть молитву; и детей своихъ не крестятъ, толко попъ не обличить ихъ; и умершихъ къ церкви хоронити не носятъ, кладутся по старымъ своимъ татарскимъ кладбищамъ; а женихи къ невестамъ по татарскому обычаю приходятъ, а венчався у церкви и снова венчаются в своихъ домехъ попы Татарскими; а во все посты и въ среде и въ пятницы скоромъ едятъ, и полонъ у себя держать

Непецкой, мужиковъ и женокъ и девокъ некрещеныхъ, и съ женками и съ девками съ некрещеными живутъ мимо своихъ женъ, и родивъ женка или девка робенка живетъ съ ними въ одной избе и пьеть и есть изъ одного судна, а молитвы роженице и робенку нельзе дать, для того, что добываютъ не у крещеных, и те новокрещенские добытки у полонянокъ некрещены умирают; да и многие де скверные Татарские обычаи новокрещены держать безстыдно, а крестьянской веры не держатся и ненавыкають» (ААЭ, т.1, с.436). Из этой цитаты следует, что в религиозном отношении новокрещенные ведут двойную жизнь: после венчания в церкви совершают обряд бракосочетания у татарского муллы, детей стараются не крестить, специально не уведомляя приходского священника о новорожденном, некоторые увлекаются множеством, что позволено по шариату. Важно отметить, что впервые в документе фигурируют мусульманские духовные лица, совершающие обряды после бракосочетания молодоженов в церкви, сообщается о постройке мечети в слободе, рядом с посадом. Эти скудные сообщения свидетельствуют об определенных успехах и процессе возрождения мусульманских религиозных институтов после событий 1552–1557 гг.

Таким образом, с точки зрения миссионерства, в периоды архиерейства Гурия и Германа христианское просвещение неофитов ограничивалось актом крещения. В дальнейшем контакты священников с новокрещеными носили эпизодический характер, что объяснялось отсутствием православных религиозных институтов на местах и апробированной системы миссионерского воздействия на неофитов. Христианизацией не занимались местные приходские священники, которые, в условиях отсутствия в сельской местности приходов новокрещен, не чувствовали себя ответственными за их религиозное состояние, по сути, на них такая задача не возлагалась. Они, кажется, были ответственны, прежде всего, за то, чтобы дети в семьях новокрещенных были крещены и сохранялась преемственность по родству новокрещен. Лишь в деревнях монастырских вотчин и архиерейского дома существовали условия для осуществления христианского просвещения своих подопечных.

Невхождение новокрещен в лоно церкви, как следствие номинальности крещения в предыдущие десятилетия, наглядно проявилось, когда подросло второе и третье поколения новокрещен, продолжавших придерживаться прежнего религиозного уклада. Их родители, вследствие одномоментности крещения, отсутствия знаний о новом религиозном учении и порядке совершения церковных ритуалов, при всем желании не могли настаивать на соблюдении детьми новых религиозных ритуалов.

Увеличение численности новокрещен в результате естественного прироста населения свидетельствовало о том, что церковь считала первостепенной традицию христианского просвещения, которую применяла в отношении русского народа. Новая церковная традиция должна была постепенно проникать в семьи, иметь продолжение в детях и внуках новокрещен, которых, пусть некрещеных и независимо от их собственного мироощущения в конфессиональном отношении, церковь считала членами своей паствы. Стало очевидным, что естественный прирост населения является важнейшим фактором увеличения числа последователей церкви среди нерусских народов, независимо от того, какие у них религиозные предпочтения и мировоззрение.

Дошедшие до нас известия об испомещении поместий новокрещеным позволяют сделать некоторые наблюдения относительно принципов земельной политики местной власти и закрепления за ними конкретных сел и поместий. По разным причинам происходило изъятие поместий в новокрещенных в пользу других лиц или церковных институтов или за какие-то заслуги или по личным ходатайствам выделялись новые жеребьи (Ермолаев, 1980, с. 20, 24, 25, 30, 36, 37, 43, 45). В этом процессе следует выделить общее правило передачи и закрепления поместий за сыновьями служилых новокрещен, что было характерно и для служилых татар (Там же, с.22, 23, 36).

Митрополиту казанскому и астраханскому Гермогену (1589–1606 гг.), представителю лагеря «иосифлян», будущему русскому патриарху (1606–1612 гг.) принадлежит главная заслуга в разработке новых принципов политики христианизации в Казанском крае. Ко времени его архиерейства дело христианского просвещения архиепископов Гурия и Германа оказалось под угрозой полного поражения, новокрещенные «отпали» в свои прежние верования. 12 февраля 1591 г. при содействии военных властей митрополит собрал всех новокрещенных в соборной церкви Пречистой Богородицы г.Казани и несколько дней читал им проповедь. Новокрещенные открыто заявили ему, что «в православной вере не утвердились», и «скорбят, что от своей веры отстали».

После общения с новокрещеными, осознавая свою беспомощность в принятии кардинальных мер в этой сфере, митрополит Гермоген обратился с письмом не к патриарху, а непосредственно к государю. Текст грамоты царя Федора Ивановича казанским воеводам князьям И.М.Воротынскому, А.Н.Вяземскому и дьякам И.Осорьину и П.Карпову от 18 июля 1593 г., последовавшей в

качестве ответа на ходатайство митрополита, содержит его же предложения, проникнутые религиозным фанатизмом.

Вслед за «наказной памятью» 1555 г., адресованной казанскому архиерею Гурию, царская грамота от 18 июля 1593 г. стала второй комплексной программой правительства по христианскому просвещению нерусских народов Казанского края. Грамота характеризуется религиозной нетерпимостью к мусульманам и конкретностью мер по усилению православного миссионерства, составлена со знанием местности, где проживали новокрещенные и в целом этноконфессиональной ситуации в крае. Все предусмотренные мероприятия впервые были подчинены одной конечной цели – утверждению в православии новокрещен, предполагали и увещательные, и насильственные меры вплоть до жестокого наказания. В этой связи миролюбивое содержание «наказной памяти» 1555 г. царя Ивана IV первому казанскому архиепископу Гурию резко контрастировало с мерами, предусмотренными в грамоте его сына – царя Федора Ивановича – от 18 июля 1593 г.

Меры, предписанные царем Федор Ивановичем казанским воеводам и дьякам, можно условно разделить на следующие пункты:

1. Произведение переписи всех новокрещенных в пригороде и уезде, выявление их местоживания, численности дворов и семей.

2. Устройство особого новокрещенского прихода путем переселения новокрещенных («служилых и неслужилых торговых и всяких людей») из сельской местности в одну из слобод г. Казани в среду русских людей, чтобы татар «бы близко не было», постройки для них церкви с назначением туда «и попа, и дьякона, и пономаря» и, таким образом, изолирование их от мусульманского влияния. Проведение мероприятий по переселению, в том числе по принудительному, новокрещенных в немусульманскую среду: в местностях, вдали от Казани, где жили новокрещенные, «те пашни поотдавать» татарам, а их наделять пашенными угодьями близ города, взяв у татар или при содействии властей произвести полноценный обмен на земли дворцовых сел, расположенных близко к городу. Причем все расходы на устройство на новом месте должны были взять на себя новокрещенные (История Татарии, 1937, с. 148).

3. Были прописаны христианские нормы поведения и религиозные обязанности новокрещен («крестьянскую веру держали крепко, к церкви ходили, и в домах у себя образы держали и на себе кресты носили и попов в дома свои призывали и отцов духовных себе имели и умерших клали у церкви») (Там же, с. 149).

4. Проведение мероприятий по изоляции православных людей, в том числе новокрещенных, от общения с татарами-мусульманами, немцами, чувашами, марийцами в хозяйственно-производственной сфере: запрещение нехристианам держать в хозяйстве кабальных православных людей. Если русские крестьяне служат «в невеликих деньгах» у татар и немцев, то их выкупать и «посадить» на государевой пашне; если же они «служат в деньгах», то поменять их на латышей, литовцев, немцев, имеющих у новокрещенных. Предписать татарам и немцам, чтобы они «русских людей всех поотпускали и впредь русских людей к себе не принимали, и денег им займы не давали, а принимали себе и купили литву, и латышей и татару и мордву»; запрещение новокрещеным держать у себя пленников в случае, если они не крестятся, иначе их отпустить или продать, в случае упорства и отказа принять крещение, иначе говоря, ближайшее окружение помещиков новокрещен должно было быть исключительно православным.

5. Установление тотального контроля над семейной жизнью новокрещен и ее «организация» по православно-русской модели, что выражалась в обязанности новокрещен, имеющих детей от брака с некрещеными татарами и немцами, их крестить⁴; запрете в домашних условиях новокрещеным общаться с иноверцами («съ одного с ними не ели и пили»); запрещение новокрещеным межэтнических браков за исключением с русскими и между собой. Запрет на контакты с иноверцами в семейном кругу имел далеко идущие последствия и предполагал расселения не только родных братьев и сестер, но и родителей и детей, разрушение семьи новокрещенского в случае, если один из супругов не переходил в православие и оставался последователем иноверного исповедания.

6. Назначение специального чиновника, «сына боярского», призванного курировать организацию новокрещенской слободы вблизи Казани, осуществлять контроль за крещением детей ново-

⁴ Отпадение от православной веры русских крестьян и полоняников (бывших русских пленных времен Казанского ханства) митрополит объяснял совместным проживанием их с коренными народами края и немцами (Акты, 1836, с. 438).

крещенов, рожденных от браков с некрещеными татарами, с немецкими полоняниками, над приведением новокрещен к казанскому митрополиту с целью их увещевания, наблюдать за повседневной жизнью новокрещен: «чтоб они крестьянскую веру держали крепко, к церкви ходили, и в домах у себя образы держали и на себе кресты носили и попов в дома свои призывали и отцов духовных себе имели и умерших клали у церкви и сами б новокрещены женились и детей своих женили на русских людей и меж собой на крещеных; размещение их деревнями близ Казани путем выдачи земель из фонда дворцовых селений, запрет обращаться в «татарскую веру» (История Татарии, 1937, с.148–149).

7.Использование жестоких мер наказания новокрещен в случае неисполнения ими предписаний митрополита и несоблюдения христианских заповедей, при этом архиерей должен лично устранивать игнорирующих его увещание возвратившихся в веру своих предков неофитов. При необходимости христианский пастырь превращался в сурового судью, слово которого приводило в движение институты наказания, имеющиеся в распоряжении казанского воеводы, для оказания психологического давления вплоть до применения пыток в отношении неофитов. Иначе говоря, местная самодержавно-церковная власть получила право на расправу с непослушным неофитом как с государственным преступником. («А которые новокрещены хрестьянския веры крепко держати и поученья митрополича и отцов духовных слушати не учнуть, и вы бы техъ велели смиряти, въ тюрьму сажати, и бити, и в железа и въ чеппи сажати и на иныхъ и заповеди имати, а иныхъ отсылали бы есте к Гермогену митрополиту и митрополиту им о питемии им чинить по правиломъ святыхъ отецъ, чтобъ однолично новокрещенъ всехъ во крестьянскую веру привесть крепко и утвердить, а от татарския веры отучити и острашити») (ААЭ, т.1, с.438).

8.Уничтожение мусульманских мечетей в г.Казани, впредь запрещать их строить (Там же, с. 439).

Хотя в начале грамоты говорится о сообщении Гермогеном о проживании в Казани, Казанском и Свияжском уездах новокрещен, которые живут вместе с татарами, чувашами, марийцами и удмуртами, далее в грамоте в части о мерах по христианизации новокрещен упоминается лишь Казанский уезд, что свидетельствует о сосредоточении основной массы новокрещен именно в этом уезде (История Татарии, с. 147–149).

В документе достаточно четко обозначены причины религиозно-нравственного «упадка» новокрещен. Кризис миссии обусловил необходимость борьбы с идеологическим воздействием мусульман, последователей традиционных верований и немцев; изолирование новокрещеных от «чужих» объявляется первейшим условием для успешного утверждения новокрещен в христианстве. На основании ходатайства казанского митрополита Гермогена правительство решило навести порядок в деле учета численности новокрещен. Проблему отсутствия контроля над общественной жизнью этой группы населения, проживавшей, в основном, в сельской местности, власти пытались решить путем принудительного переселения новокрещен с мест обитания в особую слободу с церковью вблизи г. Казани – главный военно-административный, политический и религиозный центр края, или путем создания отдельных поселений новокрещен, а также устройства за счет предоставления новокрещенам взамен их поместий дворцовых земель.

Требование отпустить из хозяйств служилых татар кабалных русских крестьян объясняется опасностью «иноверческого» миссионерства среди русских простолюдинов. Предписание новокрещеным хозяевам продать, или отпустить всех неправославных крестьян с целью изоляции их от воздействия мусульман и язычников иллюстрирует плачевное состояние внешней миссии церкви в крае. Действительно, прежде всего, привезенные из походов служилыми татарами пленные – немцы, поляки, литовцы в условиях инокультурного окружения адаптировались к новым общественным отношениям, перенимали традиции и обычаи хозяев, в том числе принимали ислам и отатаривались. Это был естественный процесс, обусловленный малочисленностью этой категории людей в инокультурной среде и низким социальным статусом подчиненного человека. В писцовой книге Ивана Болтина 1602–1603 гг. во владения служилых татар Предкамья упоминается до 40 дворов «иноземцев». Очевидно, в их число не вошли уже отатарившиеся семьи «иноземцев», которые носили мусульманские имена (Галлямов, 2001, с.55). Важно отметить, что аналогичные ассимиляционные процессы происходили с пленными «иноземцами» в поместьях русских служилых людей и со служилыми «иноземцами», нанявшимися на русскую службу.

На первый взгляд может показаться, что митрополит Гермоген перекладывает всю ответственность за кризисную ситуацию в сфере внешней миссии на военные власти. В действительности здесь все логично и правомерно: митрополит просит принять меры для исправления ситуации,

сложившейся в результате проведения воеводами верстания и испомещения служилых татар и служилых новокрещен. В то же время привлекает внимание тот факт, что царь поручил проведение христианской проповеди исключительно митрополиту. Наказ царя не содержит указаний ни о выезде церковных деятелей в селения новокрещен с миссионерскими проповедями, ни об обучении русских священников местным языкам или самих новокрещеных русскому языку с целью подготовки из их числа священников, ни об учреждении приходов и церкви со штатом причта, кроме в запланированной в Казани «новокрещенской слободе», нет намека и на привлечение монастырей в исполнение задач внешней миссии и т.д.

Тем не менее, с уверенностью можно назвать ряд функций, которые непременно должны были исполнять священники: окрестить всех родившихся в семьях некрещеных детей, некрещеную супругу некрещеного, или разрушить такой брак путем переселения новокрещеного в другую местность. В Соборе от декабря 1551 г. четко прописаны обязанности приходских священников: «и на пирехъ, и во всенародномъ собрании, и во всякихъ мирскихъ беседахъ, священникомъ достоить духовне беседовати и божественнымъ Посланиемъ поучати на всякия добродетели; а в праздныхъ словесъ, и кощунъ, и сквернословия, и смехотворенья, отнюдь бы сами не творили и детямъ своимъ духовнымъ завещали; а идеже же гусли, и прегудницы, и потехи худные. И отъ техъ бы игре священники удалялися и отходили в дома своя, а сами бѣ на таковыя отнюдь не дерзали, то проклятии суть. Яко да видять ваша добрая дела, и духовное попечение, и полезное учение, то весь миръ спасется. Аще кто не послушливъ и прекословенъ, и учения духовного не требуетъ, и на покаяние не приходитъ, то такового умоли, и запрети, и накажи; аще и сего не послушает. То а таковыхъ возвещаютъ святителемъ, и они целбу о сихъ подають имъ с духовнымъ разсуждениемъ. А умершихъ провожати и отпевати отцемъ духовнымъ, и дети крещати, и свадьбы венчати, и вода на иердане святити, и въ вечера Богоявления, то во всемъ священникамъ сану, яко же божественная литоргия» (ААЭ, т.1, с. 229–230).

Очевидно, что христианизация новокрещен на данном этапе казанским митрополитом не предусматривалась, она объективно была невозможна, однако реализация составленной им программы первоочередных мер по пресечению хозяйственно-бытовых, повседневных, внутрисемейных межкультурных контактов новокрещен с носителями чуждых для русской церкви идеологий представлялась необходимым условием для дальнейшего религиозного просвещения неофитов.

Важно отметить, что в русском церковном праве были выработаны меры по охране достоинства церкви и христиан от иноземного идеологического воздействия. Отныне борьба за сохранение новокрещенных в лоне церкви происходила на «законном» правовом поле, в отличие от крещения неофитов. Этим обстоятельством и объясняется привлечение всего административного аппарата к реализации царского наказа. Однако если в отношении русских духовными властями практиковалось увещание, то наказ царя Федора Ивановича от 18 июля 1593 г. доводит новокрещен мысль о том, что крещение – это невозвратимый акт, публичный отказ от церкви чреват жестоким наказанием и различного рода преследованиями. Наказ сформировал у новокрещен новую модель социального поведения, для которой были характерны ограничение или неафиширование своих контактов с представителями других вероисповеданий, в том числе с родственниками, последователями прежней религиозной традиции; сокрытие от чужих глаз своей религиозно-обрядовой жизни; недоверие к священникам, внешняя покорность и угодничество перед представителям духовной власти и т.д.

Очевидно, что решение архиеерея Гермогена собрать новокрещенных со всей округи для увещания в церковь святой Богородицы явилось демонстрацией существующей проблемы и перед священниками, и перед военными властями. Непрерывное общение с новокрещеными в течение нескольких дней позволило митрополиту выработать конкретный план по борьбе с «отпадением» новокрещен в прежние религиозные традиции. В создавшейся критической ситуации казанский митрополит с присущей «иосифлянам» решительностью приступил к разрешению этой судьбоносной для русской православной церкви проблемы (Загидуллин, 1997а, с.13–20).

Если разрушение мечетей в Казани не требовало особых усилий, то остальные положения царской грамоты 1593 г. могли быть реализованы на значительной территории края только при совместных действиях духовных и военных властей. С достаточной долей уверенности можно сказать, что меры, предусмотренные в царской грамоте от 18 июля 1593 г., были восприняты как руководство к действию администрациями всех уездов, входивших в состав Казанской епархии. В соответствии с царской грамотой в разных местностях проводились мероприятия по переселению новокрещен в особые слободы, деревни или населенные пункты, имеющие церкви. В частности, во

второй половине 90-х гг. XVI в. власти попытались переселить новокрещен Курмышского уезда в новопостроенное село Преображенское (Алгаши), однако новокрещены «оказались ослушни и чинились сильны». В ответ на отказ новокрещен переселяться последовал указ о наказании и «выселке на житье» с женами и детьми (Кузнецов, 1957, с.88.). Появление в Свияжске, Чебоксарах и Козьмодемьянске дворов служилых новокрещен чувашский историк В.Д. Дмитриев связывает с претворением в жизнь царского указа от 18 июля 1593 г. В этих городах в 1625 г. числилось «3 головы новокрещен и 71 служилый новокрещен» (Дмитриев, 1978, с.90.).

Поместная земля после смерти отца превращалась в так называемое «выморочное поместье» и, как правило, переходила к сыну, что способствовало формированию родовой преемственности в испомещении (Ермолаев, 1982, с.65). В период архиерейства Гермогена сформировался своеобразный фонд наделов (жеребьев) служилых новокрещен. Жеребий передавался по этноконфессиональному признаку или непосредственно родне умершего служилого новокрещеного. После смерти кого-либо из новокрещен, в случае отсутствия у него наследников, его надел непременно отдавался другому служилому новокрещеному, а не служилому татарину или служилому русскому. Тем самым обеспечивались конфессиональная целостность и преемственность новокрещенского поселения. Например, в 1589–1590 г. жеребий Луки Уразлыева был передан служилому новокрещеному Гавриле Лукину сыну Арезепову (деревня Шуман Алатской дороги) (Ермолаев, 1980, с.35). В 1592–1693 г. в д. Большие Сие были даны новокрещену Ивану Килибердееву Иванову покосы Бюреева, что были за его отцом Килибердеем, после его смерти этими покосами стал владеть Иванов внук Куземка Григорьев (ПК, с.98). В 1596–1597 г. служилому новокрещену Петруньке Андрееву был передан надел тестя его в деревне Черемшан Зюрейской дороги (Документы, 1990, с.53). Важно отметить, что такой порядок сохранялся и после отъезда Гермогена в Москву на патриаршую кафедру. Так, например, жеребий новокрещена Володьки, сына Текия, в деревне Кишеметьево Арской дороги⁵ после его смерти в 1612 г. был отдан новокрещеным Ваське Ондрееву да Семенке Уразгозину (ПК, с.121–122).

Теперь испомещение новокрещен осуществлялось в отдельные поселения. Так, согласно ввозной грамоте, выданной казанской воеводой князем Ф.И. Хворостининым 18 июня 1598 г. служилым новокрещеным Василию и Степану Тимофеевым (были выселены новокрещенским князем Федором Асновым из деревни Бимер), последним было выделено поместье в пустоше Атречь, «пустои чувашские жеребеи» (Там же, с. 121–122).

Как отметил профессор И.П.Ермолаев, писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. составлялась не для описания земель вообще, а сколько для размежевания служилых татар от ясачного населения (Ермолаев, 1982, с.72). На наш взгляд, проведение писцового описания Казанского уезда в предусматривало законодательное закрепление земельных отношений, направленных на дистанцирование новокрещен от мусульманских и «языческих» элементов, имея целью их обособленное проживание, а также фиксируя достигнутые на этом поприще успехи церковных и военных властей.

В контексте темы нашего исследования материалы писцовой книги Ивана Болтина 1602–1603 гг., несмотря на их неполноту, позволяют отследить динамику численности служилых новокрещен, локализовать районы их расселения, реконструировать сеть и численность новокрещенских поселений, конфессиональный и социальный состав живущих с ними в поселении лиц, сделать некоторые выводы о результатах достигнутых к этому времени военно-церковной властью в деле христианизации «иноверцев».

В писцовой книге Ивана Болтина 1602–1603 гг. зафиксирован высокий процент новокрещеных среди служилых татар, что следует объяснить крещением, прежде всего, представителей низших слоев населения, вчерашних ясачных людей, верстанных властью в корпорацию служилых «по прибору». По мнению профессора И.П.Ермолаева, различие между служилыми татарами и служилыми новокрещеными во второй половине XVI в. было мало заметно, хотя правительство в предоставлении определенных привилегий отдавало предпочтение последним (Там же, с.68).

Материалы писцовой книги Ивана Болтина 1602–1603 гг. реконструируют интенсивно формирующуюся модель производственно-землевладельческих отношений в крае. Согласно подсчетам И.П.Ермолаева, из 114 деревень, описанных в данном источнике, 2 находились в вотчинном владе-

⁵ «Оклад его 5 рублей; поместье за ним жеребей деревни Кишеметева. А на его жеребьи: двор помещиков; пашни паханные – 3 четв. да перелогом – 8 четв. да лесом поросло – 10 четв.; и всего – пашни и перелогоу и лесом поросло – 21 четв. в поле, а в дву по тому ж; сена меж поль и по заполью и по реке по Казани и по речке Обзебару и по дубровам – 100 копен; лесу дубровы пашенные – 3 дес.»

нии, 22 – в поместном владении одного служилого человека, 10 – в поместном владении нескольких служилых людей, а большинство – 76 – деревень имели смешанное, служилое и ясачное население, при этом в 37 деревнях расселялось по одному служилому человеку и по несколько ясачных дворов (Ермолаев, 1979, с.14). Вероятно, такое социально-экономическое взаимодействие между общинниками и помещиками уходит корнями в ханский период. Татарская знать, а также уланы, казаки нуждались в рабочей силе для сельскохозяйственного производства. Эту традицию социально-производственных отношений в крае новые власти удачно использовали в своих целях. Прежде всего, они верстали из числа ясачных людей одного служилого человека, оставляя за ним прежний размер надела. Освобождение от налогов и повинностей уже являлось большой привилегией.

Как видно из материалов писцовой книги, к началу XVII в. приобрела четкие очертания сеть новокрещенских населенных пунктов, причем Зюрейская и Арская дороги – районы, где в 1552–1557 гг. происходили опустошительные военные действия являлись местом сосредоточения новых новокрещенских поселений. Очевидно, пустоши становились одним из точек расселения новокрещен.

Прежде всего необходимо рассмотреть судьбу деревень периода архиерейства Гурия и Германа, они составляли ядро группы селений новокрещен. В начале XVII в. продолжали существовать деревни служилых новокрещен Средняя Ия, Нижняя Ия, Саир по Зюрейской дороге, Чурильня по Арской дороге, а также деревни Янасал и Тура, в которых теперь находились поместья служилых новокрещен.

Согласно нашим и Р.Г.Галляма подсчетам, на Зюрейской дороге новокрещенские поселения были представлены 18 поселениями, Арская дорога – 11 деревнями, на Алатская дорога – 4 деревнями. Появились 3 новокрещенских поселения на Ногайской дороге. Итого – 36 новокрещенских населенных пунктов.

Таблица 1

Состав новокрещенских селений Казанского уезда по писцовой книги И.Болтина 1602–1603 гг.

(ПК, с. л.5–6, 57 об. – 73 об., 75 об.–76, 85, 85 об., 115 об., 117 об.–120 об., 124 об.–125 об., 126–129, 130 об.–131, 137, 167 об., 169, 173–176, 192 об., 229 об., 232, с.41–42, 68–74, 75–79, 81–83, 84–85, 93, 120, 121–123, 126–129, 130, 133, 153, 157–160, 170, 199; Галлям, 2015, с.57–71)

Дороги	Сл. нов.	Сл.нов.и ясач.нов.	Ясач.нов.	Сл.нов. и (или) ясач. нов. и и некрещенные	Всего
Ногайская	2	1	–	–	3
Зюрейская	5	9	2	2	18
Арская	4	6	–	1	11
Алатская	3	1	–	–	4
Итого	14	17	2	3	36
Итого, в %	38,9	47,2	5,6	8,3	100

По Ногайской дороге в 2 (деревня Перевья и пустошь Большая) из 3 поселений располагалось по одному поместью служилых новокрещен. В Ташкирмене зафиксированы дворы 2 служилых и ясачных новокрещен. По Зюрейской дороге в 5 поселениях проживали служилые новокрещен (деревни Черемыш, Средняя Кобеккозя, Средняя Ия, Нижняя Ия, пустошь Иски-Юрт), 9 поселений были по составу служило-ясачными (деревни Середние, Нижняя, Угречь, Кебечь, Ишеры, Верхняя Ия, Альведин, пустошь Асенева, Сие), 2 населенных пункта – ясачными (Ковали, Атрей), а в Нырсываре служилые и ясачные новокрещенные расселялись совместно со служилыми и ясачными татарами, в д. Сия Большая – служилые новокрещенные проживали совместно с «ясачными чюваши».

По Арской дороге насчитывалось 4 селения служилых новокрещен (деревни Кишметево, Казанбаш, Пустошь Мамашева, Хайван). В одном поместье новокрещеного числились 6 новокрещенных крепостных крестьян (деревня Хозяшево) и еще функционировали 5 поселений совместного проживания служилых и ясачных людей (деревни Кучюковская, Азяк, Корса, Чурильня, Янасала). В д. Коротаево расселялись ясачные новокрещенные и «чюваши». Помимо этих населенных пунктов, в список поселений новокрещен Арской дороги мы затруднились включить «Волость черемисская в Малмыже», которая числилась за новокрещеными служилыми «вопче с ясачными новокрещены» (ПК, л.124, с.126). Здесь насчитывалось всего 14 жеребьев новокрещен и служилых татар «по государевым грамотам и по выписям казанских дач прошлых годов» (Там же, л.167 об., с.152).

По Алатской дороге сеть новокрещенских селений состоял из 3 служилых (деревни Саир, Тура, Саря) и 1 ясачной (Шуман) деревень.

В целом в поселениях Казанского уезда, зафиксированных в писцовой книге Ивана Болтина 1602–1603 гг., в 38,9 % (14) поселений служилые новокрещены проживали одни, в 47,2 % населенных пунктов (17) – служилые и ясачные новокрещены проживали совместно, в 5,6% (2) – исключительно ясачные новокрещенные, в 8,3% (3) – служилые и (или) ясачные новокрещены и некрещенные служилые и (или) ясачные татары проживали совместно. Мы не исключаем того, что численность селений, в которых ясачные новокрещены проживали одни или совместно и некрещеными ясачными людьми было больше, чем указанных в нашей таблице 3 селений. Дело в том все три селения зафиксированы лишь при случаях привлечения «сторонних людей» – свидетелей из соседних деревень (Кавали, Атрей, Коротаево) для определения межи между наделами (ПК, л.84 об., с.92).

Очевидно, произошло подселение к служилым новокрещенам ясачных новокрещен, или наоборот. С учетом того, то в «Казанской войне» 1552–1557 гг. принимало участие многонациональное население края, и среди пленных повстанцев, которые были крещены архиепископом Гурием, были представители разных этнических групп населения, в целом состав ясачных новокрещен был далеко не моноэтническим, можно утверждать, что в селениях совместного расселения служилых новокрещен и ясачных новокрещен происходила ассимиляция вторых первыми и таким путем формирование конфессиональной группы крещеных татар.

На основе обобщения статистических материалов рассмотрим пути формирования новокрещенских поселений в период архиерейства Гермогена. Акт крещения был глубоко индивидуальным событием в жизни каждого неофита, и в каждом таком случае, как правило, семья новокрещеного в поселении мусульман или язычников оказывалась в конфессиональном меньшинстве. Часть новокрещенских деревень возникла при первых казанских архиепископах, эти поселения могли стать местом сосредоточения новокрещен, однако высокая динамика численности новокрещенских поселений в конце XVI – начале XVII вв. свидетельствовала о новой стратегии властей, направленной на расширение сети таких населенных пунктов.

Одним из наиболее популярных методов учреждения моноконфессионального поселения являлось переселение крестившихся ясачных людей с целью изоляции от прежней культурной среды на новое место жительства. Ясачные новокрещенные опасались закрепощения со стороны русских помещиков, поэтому единственным безопасным вариантом для них оставалось подселение к русским дворцовым крестьянам или к поместьям служилых новокрещен. Согласно материалам писцовой книги И.Болтина, власти проводили политику подселения ясачных новокрещен именно к последним.

«В поместное владение нерусского служилого человека обязательно включались не только пахотные угодья, но и ряд других экономических составляющих: сенные покосы, рыбные ловли, мельницы, взятые в оброк кабаки и др.; характерным явлением поместных владений служилых новокрещен, мурз и татар было широкое распространение именно этих менее важных по сравнению с пахотной землей показателей. Среди них выделялись главным образом огромные сенные покосы», – отмечает Э.И.Амерханова (Амерханова, 1998, с.93–94).

По материалам писцовой книги Ивана Болтина 1602–1603 гг. И.П.Ермолаев выделил в Казанском уезде несколько групп служилых татар в зависимости от размера поместья. В группе крупных феодалов историк определил две подгруппы: 1) феодалы с пашенной землей (в одном поле) с площадью более 100 четв., 2) служилые люди, имеющие 40–100 четв. К феодалам первой группы относились, в основном, представители титулованной знати бывшего Казанского ханства (12 человек – 5,2%), эти двенадцать фамилий (6 из них имели княжеский титул) владели 42,7% пашенной земли всех служилых татар, в их же распоряжении находилось 26% сенных угодий и 42,1% леса. Среди крупных феодалов высшего разряда значатся два новокрещенных – князь Федор Асан Мурзин (250 четв. пашенной земли, 600 копен сена, 70 дес. леса, без оклада) и Петр Смиленев (140 четв. пашенной земли, 350 копен сена, 15 дес. леса; оклад – 10 руб.) (Ермолаев, 1978, с.14–16).

Вторая, достаточно обеспеченная, подгруппа из 28 человек (12,2% служилых татар) имела поместные оклады от 40 до 100 четв. пашенной земли, их денежные оклады составляли от 4 до 12 рублей (Там же, с.18).

Около 22% служилых татар (имели средние поместные оклады – от 25 до 40 четв. пашенной земли. Часть из них сохранила свои земли времен ханства. Основную часть феодалов (свыше 60%) составляла группа мелких служилых людей, обладавших менее 25 четв. пашенной земли и не имевших крестьянских дворов (Ермолаев, 1982, с. 66). Высокий процент новокрещеных среди служилых татар, по данным писцовой книги Казанского уезда 1602–1603 гг., следует объяснить крещением, прежде всего, представителей низших слоев населения.

Практически полное отсутствие случаев совместного проживания ясачных или служилых новокрещен с неправославными и русскими людьми свидетельствует о том, что к 1602–1603 гг. военными властями была проведена системная работа по изоляции новокрещен как от мусульман, так и от русских. Эта методика была подсказана социальным поведением новокрещеных, чувствовавших себя некомфортно при близком соседстве и с русскими служилыми, и русскими крестьянами.

Таким образом, последнее десятилетие XVI в. – начало XVII в. в Казанском крае были важнейшим этапом формирования сети новокрещенских поселений путем точечного землеустройства неофитов из числа служилых и ясачных людей. Опасение властей по поводу мусульманского фактора привело к тому, что у новокрещен наиболее рельефно проявилась тенденция формирования родовых поместий, пожизненного владения угодьями и переоформления их, в случае прерывания потомства помещика, новокрещеному родственнику или, непременно, другому служилому новокрещеному.

При Гермогене на первый план вышел вопрос удержания в лоне церкви новокрещен, «отпавших» в прежние религиозные традиции. Эта проблема, в силу ограниченности ресурсов, недостаточности миссионерских институтов, способных проводить эффективное христианское просвещение на родном языке новокрещен, решалась путем изоляции их от мусульман и последователей традиционных верований и испощения служилых людей в отдельных поселениях, как правило, расположенных в непосредственной близости друг от друга. Власть не осталась безучастной к судьбе новокрещен при реализации земельной политики в крае и на рубеже XVI–XVII вв. восстановив прежний порядок автономного расселения служилых новокрещен, существовавший при первых казанских архиепископах – Гурии и Германе.

Усиленно добиваясь закрепления отступников-новокрещен в православии и стремясь воспрепятствовать расширению движения возвращения в традиционные верования, Гермоген получил право на широкое использование жестких мер наказания и физической расправы над неугодными членами паствы. Мы не исключаем того, что существенную роль в морально-психологическом давлении на «отпавших» новокрещен, помимо угроз, сыграло заключение непослушных в тюрьмы; оказавшись в загнанной ситуации, они были вынуждены вновь объявлять себя приверженцами христианства. Здесь главным представляется следующий тезис: казанский митрополит Гермоген сумел довести до новокрещеных мысль о том, что отказ от православия является тяжелейшим преступлением, которое карается по всей строгости закона. Он постарался превратить религиозную обязанность в повинность, невыполнение которой чревато жестоким наказанием.

В этой связи уместно привести в сравнение меру наказания, предусмотренную в «Соборном уложении» 1649 г. для русского человека в случае, если он перейдет в ислам воздействием миссионера-мусульманина⁶. Такой человек отсылался к патриарху или иной власти: «и велети ему учинити указ по правилам святых апостол и святых отец» (Тихомиров, Епифанов, гл. XXII, ст. 24, с. 291). Как видно, виновным, в случае отступления русского человека от православной церкви, объявлялся мусульманин, а провинившийся признавался лишь заложником «насильства» или «обмана» «басурмана» и отсылался для увещевания к церковным структурам. В случае же с новокрещеными именно они признавались главными виновниками, совершающими осознанный проступок отступления от церкви и игнорирующими требования духовных властей, а не их мусульмане-родственники или бывшие единоверцы.

Итак, между правительством и новокрещеными была достигнута негласная договоренность: в случае публичного отказа от церкви и активных контактов с мусульманами к ним будет применено жестокое наказание.

⁶ За свой проступок мусульманин наказывался жжением в костре (гл. XXII, ст. 24).

До отъезда в 1606 г. в Москву, на новое место духовной службы, казанский митрополит Гермоген такими методами сумел провести огромную работу по претворению своей программы по закреплению новокрещен в лоне церкви.

Церковные институты оказались слабо подготовленными новой этноконфессиональной топографии в Казанском уезде. Отсутствие полноценной системы приходов, церквей и штатов священников переводило вопросы обучения новокрещен основам православия и церковным ритуалам на неблизкую перспективу. Поэтому христианизация приобрела для новокрещеных отчетливый формальный характер и свелась к редким контактам со священниками. Во время таких встреч каждая сторона играла свою роль: священники, не знающие языка коренных народов, выступали в роли руководителей паствы, новокрещеные, не знающие обрядов, учения христианства и церковнославянского языка, – в роли немых законопослушных последователей церкви, в домашних условиях продолжая придерживаться традиционного религиозного уклада. Одновременно наказывались выявленные контакты новокрещен с родными и близкими в прежней жизни. В выстраиваемой Гермогеном модели межконфессиональных отношений в Казанском крае при натуральном укладе крестьянского хозяйства этот запрет имел принципиальное значение. Духовный вакуум, формирующийся по причине отсутствия мусульманского миссионерства, повлек за собой установление в духовной жизни новокрещен верховенства иных духовных практик, синкретизированных религиозных обрядов, связанных с архаичными традиционными верованиями, с которыми в ханский период вели идеологическую борьбу мусульманские религиозные деятели.

Таким образом, в конце XVI – начале XVII вв. митрополиту Гермогену удалось закрепить успех первых казанских миссионеров, изолировать новокрещен от бытовых и хозяйственных контактов с мусульманами путем формирования сети новокрещенских селений. В условиях крестьянского натурального хозяйства средневековой России, при соответствующем контроле местной администрации это была весьма действенная система. Все сказанное позволяет назвать Гермогена крупнейшим миссионером Среднего Поволжья, верным продолжателем дела первых казанских архиереев, его активная деятельность позволила реанимировать «христианское просвещение» благодаря широкому применению административного ресурса.

В писцовой книге И.Болтина 1602–1603 гг. зафиксированы впечатляющие результаты активной и целенаправленной деятельности самодержавно-церковной власти в сфере земельно-правовых отношений. С этого времени в христианском просвещении коренных народов Казанского края практика изолирования новокрещен от контактов с носителями традиционных религиозных традиций стала правилом, не подлежащим обсуждению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т.1. 1334–1598. М.: Типогр. Экспедицию заготовления Государственных бумаг, 1836. 551, 19, 36 с.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. – СПб.: Типогр. II Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1836. Т. 1. 1294–1598. 548 с.
3. Алишев С.Х. Тернистый путь борьбы за свободу (Социальная и национально-освободительная борьба татарского народа. II половина XVI–XIX вв. Казань: изд-во «Фэн», 1999. 158 с.
4. Амвросий. История русской иерархии. М., 1815. Ч.6.
5. Никольский Н.В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках. Исторический очерк. Казань: Типо-литография импер. ун-та, 1912. 416 с.
6. Амерханова Э.И. «Служилый город» Казань во второй половине XVII века: Дисс. канд. ист. наук. Казань, 1998. 295 с.
7. Андреев В. Первые письменные свидетельства о новокрещенских поселениях в Среднем Поволжье (по писцовым материалам Казанского и Свияжского уездов 1565–1568 гг.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2012. №2. С.166–171.
8. Галлям Р.Ф. Казачество в тюрко-татарских государствах позднего средневековья (к проблеме происхождения казачества) // СТТГ. 2014. №6. С.72–75.
9. Галлям Р.Г. Первые «новокрещенские» поселения в Среднем Поволжье и основы генезиса татар-крещен (по документам второй половины XVI – начала XVII вв.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2015. № 5. С.57–71.

10. Галлямов Р.Ф. После падения Казани...: Этносоциальная история Предкамья (вторая половина XVI – начало XVIII вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. 143 с.
11. Димитриев В.Д. Распространение христианства и чувашские народные массы в период феодализма (середина XVI в. – 1861 г.) // Проблемы религиозного синкретизма и развитие атеизма в Чувашской АССР. Труды НИИ Языка литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. Вып.86. Чебоксары, 1978. С.81–119.
12. Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XV – середина XVII в.). Тексты и комментарии /сост. И.П.Ермолаев, Д.А.Мустафина. Комментарии и указатели Д.А.Мустафиной. Казань: Изд-во Казан ун-та, 1990. 206 с.
13. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв.: Управление Казанских краем. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 223 с.
14. Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. (Хронологический перечень документов). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. 261 с.
15. Ермолаев И.П. Писцовая книга Ивана Болтина как источник // Писцовая книга Казанского уезда 1902–1603 годов. Публикация текста. / Сост. Р.Н. Степанов. Казань: изд-во Казан. ун-та, 1979. С. 3–31.
16. Ермолаев И.П., Липаков Е.В. Крестьяне дворцовых сел Казанского уезда в конце XVI – в первой четверти XVII века. (По материалам дозорных и переписных книг) // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984. С.8–26.
17. Загидуллин И.К. «Наказная память» царя Ивана IV архиепископу Гурию как исторический источник // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы: Тезисы и краткое содержание докладов международной научной конференции, 10–11 октября 1996 года. Казань, 1997. С.260–263.
18. Загидуллин И.К. О грамоте царя Федора Ивановича казанским воеводам и дьякам от 18 июля 1593 г. // Гуманитарные науки: проблемы и аспекты изучения. Казань: Татарский государственный гуманитарный институт, 1997а. С.13–20.
19. Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. Минск, 2005. 575 с.
20. Иванов Ю.Н., Королев В.В. Роль русской православной церкви в социально-политической и экономической жизни Казанского края (вторая половина XVI–XVII вв.): учеб. пос. Казань: Казан. ун-т, 2011. 125 с.
21. История Татарии в материалах и документах. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 503 с.
22. Калинин Н.Ф. Казань. Исторический очерк. Второе, испр. и дополнен. Издание. – Казань: Таткнигоиздат, 1955. 414 с.
23. Каргалов В.В. Засечные черты и их роль в обороне Русского государства в XVI–XVII веках // Военно-исторический журнал. 1986. № 12. С. 61–67.
24. Каппелер А. Как классифицировали русские источники XVI – середины XIX вв. этно-религиозные группы Волго-Уральского региона // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона XVIII–XXI вв.). Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. С.13–39.
25. Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Т.1. Чебоксары: Чуваш. гос.изд-во, 1957. 344 с.
26. Липаков Е.В. Дворянство Казанского края в конце XVI – первой половине XVII вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1989. Ч.1. 198 с.
27. Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. 4. Ч.1. М.: Изд-во Спасо-Преображенского монастыря, 1998. 591 с.
28. Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 год. М.: Университет. тип-я, 1880. 261 с.
29. Макаров Д.М. Самодержавие и христианизация народов Поволжья во второй половине XVI–XVII вв.: Учебное пособие. Чебоксары: 1981. 102 с.
30. Макаров Д.М. Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья (XVI–XVIII вв.): Монография. Чебоксары: Чувашский гос. ун-т, 2000. 280 с.
31. Малов Е.А. Село Бетьки. Казань, 1868. 24 с.
32. Мустафина Д.А. Археографическое введение // Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов. Публикация текста / Казан гос. ун-т, изд. подг. Д.А. Мустафиной. Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук РТ, 2006. С.3–24.
33. Мустафина Д.А. Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII вв.): Тексты и комментарии. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. С.6–27.
34. Мустафина Д.Г. Феодальное землевладение и социальные категории населения в Казанском уезде во второй половине XVII в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1986. 247 с.
35. Мустафина Д.Г. Социальное положение крестьян Казанского уезда во второй половине XVII века // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984. С.34–52.
36. Мустафина Л.А., Ермолаев И.П. Писцовая книга Семена Волынского как исторический источник // Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов. М., 2001. С.3–21.

37. Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) / Сост. и отв. ред. Р.Г.Галлям. Казань: Ихлас, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. 276 с.
38. Никольский Н.В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках // Никольский Н.В. Собрание сочинений. В 4 т. Т. II. / Сост., автор предисловия, комментариев и примечаний Г.А.Николаев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. С.126–356.
39. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в I половине XVII в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 447 с.
40. Пашина Е.В. Из истории Старой Тетюшской (Карлинской) и Новой Тетюшской засечных черт (вторая половина XVI – середина XVII вв.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2014. №4. С.146–175.
41. Пашина Е.В. Карлинская засечная черта в отечественной историографии / Е.В. Пашина // Вестник Самарского государственного университета. 2014а. № 5 (116). С.75–79.
42. Перетяткович Г. Поволжье в XVI и XVII веках (очерки из истории края и его колонизации). М.: Типогр. И.К.Грачева, 1877. 331 с.
43. Писцовая книга Казанского уезда 1902–1603 годов. Публикация текста / Сост. Р.Н. Степанов. Казань: изд-во Казан. ун-та, 1978. 240 с.
44. ПСРЛ, т.13. Первая половина. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1904. 302 с.
45. Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов. Публикация текста / Казан гос. ун-т, изд. подг. Д.А.Мустафиной. Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук РТ, 2006. 660 с.
46. Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т.1. Казань: Центральная тип-я, 1897. 534 с.
47. Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб.: Тип.: В.Демакова, 1897. 403, IV с.
48. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда, письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 г.). Казань, 1909. 143 с.
49. Список с писцовых книг г.Казани с уездом / Подг. к печ. К.И. Невоструев. Казань: типогр. Казан. ун-та, 1877. 88 с.
50. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 г. Учебное пособие для высшей школы. М.: Изд-во Московского ун-та, 1961. 444 с.
51. Филюшкин А.И. Окончание Ливонской войны 1558–1583 гг.: «Московская война» (1579–1582) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI–XIX вв. Ч. II. С. 292–398 <<http://www.milhist.info/> 2015/04/21/filychkin_2> (21.04.2015)
52. Хрусталева А. Очерк распространения христианства между иноверцами Казанского края // Миссионерский противомусульманский сборник. Труды студентов миссионерского противомусульманского отделения при Казанской духовной академии. Вып. V. Казань: типогр. Казан. имп. ун-та, 1874. 128 с.
53. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского Ханства. М.: ИНСАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991. 304 с.
54. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. СПб.: Изд-во Импер. Академии наук, 1789. 444 с.

Список сокращений:

- ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. СПб.: Типогр. II Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1836. Т. 1. 1294–1598. 548 с.
- АИ – Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т.1. 1334–1598. М.: Типогр. Экспедицию заготовления Государственных бумаг, 1836. 551, 19, 36 с.
- ПК – Писцовая книга Казанского уезда 1902–1603 годов. Публикация текста. / Сост. Р.Н. Степанов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 240 с.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
- ПО – Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов. Публикация текста / Казан гос. ун-т, изд. подг. Д.А.Мустафиной. Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук РТ, 2006. 660 с.
- СТГГ – Средневековые тюрко-татарские государства. Научный журнал, г.Казань

I.K. Zagidullin

**SOCIAL ASPECTS OF CHRISTIAN EDUCATION
OF NEWLY BAPTIZED IN THE KAZAN REGION
IN THE SECOND HALF OF XVI – THE BEGINNING OF XVII CENTURIES**

In article on the basis of materials of the pistsovy books of the Kazan and Sviyaga districts of 1565–1568 years and the Kazan district of 1602–1603 years are reconstructed results of missionary activity of the first Kazan archbishops Gury and Herman and the metropolitan Germogen, the confessional principles of an movement of the service newly baptized and the organizations of network of newly baptized settlements come to light.

Keywords: Kazan diocese, Kazan district, christianization, service newly baptized, newly baptized, archbishop Gury, metropolitan Germogen, confessional structure of newly baptized settlements.

Сведения об авторе:

Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань); E-mail: zagik63@mail.ru

Zagidullin Ildus Kotdusovich – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of modern history, Sh.Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).